

— Иными словами, играя роль, первым делом нужно полностью вжиться в персонажа. Представить, как он повел бы себя в определенных условиях, в то или иное время, в конкретном месте, и как, исходя из его статуса, должны звучать реплики, отражающие его истинный характер...

Сквозь дрему до Цзи Яньсина донеслись чьи-то приглушенные слова. Он не успел даже сообразить, в чем дело, как прямо над ухом грохнуло. Распахнув глаза, он зажмурился от резкого утреннего света, бившего сквозь огромное прозрачное окно и заливавшего парту, за которой сидел Цзи Яо.

Цзи Яньсин застыл, не шевелясь. Опустив взгляд на свою более чем странную одежду, он почувствовал, как в груди нарастает глухое беспокойство.

— Цзи Яо! Отвечай ты!

Сидевший рядом парень несильно пихнул его локтем в бок и зашептал:

— Ты — принц, а она — девка-актерка, распеваящая в императорском саду. У вас сцена один на один. Что ты должен ей сказать?

Фу Ян?!

Юноша рядом выглядел дико, если не сказать нелепо. Цзи Яньсин мгновенно взял себя в руки, пряча за внешним бесстрастием обуревавшие его сомнения и изумление.

— Что ты вылупился? Препода тебя спрашивает! — Фу Ян поспешно прикрыл лицо раскрытым учебником.

«Дружище, если хочешь сдохнуть — твое дело, но меня-то за собой в могилу не тащи! Какого черта ты на меня смотришь?!»

Профессор по актерскому мастерству слыл в академии настоящим злобным карликом — мелким, визгливым и невероятно мстительным.

С кафедры снова долетело грозное:

— Цзи Яо!

Он медленно повернул голову к преподавателю. Даже не подумав подняться с места, Цзи Яньсин смерил того ледяным взглядом. Его голос прозвучал на удивление холодно и высокомерно:

— Жалкой комедиантке не место в императорском саду. Столь изысканная обитель не терпит подобной пошлости.

Профессор на мгновение опешил. Неужели этот лоботряс все-таки слушал? Да нет, бред какой-то, он же собственными глазами видел, как Цзи Яо дрых без задних ног!

На задних рядах тут же зашептались студентки:

— Мамочки, да он же прямо на ходу в образ вошел!

— Да-да! Каков мерзавец! До чего же у Цзи Яо сейчас голос шикарный, аж мурашки по коже!

— Кхм... — преподаватель прочистил горло, пытаясь вернуть утраченное достоинство. — Продолжим. И чтобы больше никто у меня на парах не спал! Слушайте внимательно, от этого зависит ваше будущее в профессии!

Под столом Фу Ян всюду беззвучно аплодировал, вытаращив от изумления глаза.

— Офигеть, Цзяо-цзяо! — зашептал он, когда препод отвернулся к доске. — Ты когда так играть научился? Колись, брал тайком от меня индивидуальные уроки у какого-нибудь мастера?

Цзи Яньсин нахмурился.

— Фу Ян?

— Ась? — парень уставился на него. — Чего ты?

Лицо было точь-в-точь как у его старого знакомого. Цзи Яньсин пристально всмотрелся в черты товарища, и он посмотрел тяжело и пронзительно.

— Как ты меня только что назвал?

Фу Ян невольно отшатнулся. В этот короткий миг ему показалось, будто на него пахнуло могильным холодом — так смотрят лишь те, кто привык забирать чужие жизни.

— Цзяо... Цзяо-цзяо же, — пробормотал он, сглатывая слюну. — Слышь, Цзи Яо, ты чего? Во сне рассудком повредился, что ли?

Цзи Яньсин незаметно огляделся. Бумажные тетради, ровные ряды столов, огромные окна, нелепые короткие стрижки и одежда окружающих, а на стене — светящееся говорящее полотно. Все это казалось не просто странным, а запредельно чуждым и невозможным.

— Отвечай на мои вопросы, коротко и ясно.

— Э-э?

— Какая это страна и какой нынче год?

— Твою мать, ты точно умом тронулся. Чего это из тебя какими-то заумными бреднями поперло?

Но, натолкнувшись на ледяной прищур собеседника, Фу Ян растерял весь свой запал и испуганно затараторил:

— Две тысячи сорок девятый год вообще-то! В Китае сейчас День основания празднуют, вся улица в красных фонарях и флагах, только слепой не заметит. Да зачем тебе это сдалось?

Он не знал, что за летоисчисление скрывается за этими цифрами, и никогда не слышал о таком государстве, как Китай.

— У тебя есть зеркало? Или хотя бы медный таз?

Фу Ян так недоуменно скривился, словно он пытался прочесть клинопись на древней глиняной табличке.

— Ну ты даешь... В следующий раз свое приноси. Медный таз ему, ишь ты! Нашел у кого просить. Совсем от самолюбования крыша поехала.

Зеркальце оказалось совсем крошечным, но удивительно чистым. На него смотрело знакомое лицо — его собственное. Вот только что случилось с волосами? Неужели он поседел за одну ночь?

— Советую тебе поскорее перекраситься обратно, — проворчал Фу Ян. — Твоя мать мне в прошлый раз все уши прожужжала. Говорит, ходишь как седой дед, людям показаться стыдно. У меня до сих пор мозоли на ушах от ее нотаций.

«Значит, краска», — мысленно заключил Цзи Яньсин.

«Значит, это все-таки его плоть? Впрочем, будь это действительно его тело, он ни за что не позволил бы остричь волосы. Тело, волосы и кожа дарованы нам родителями, и осквернять их... Стоп, матерью?»

Раздался резкий мелодичный звон. Фу Ян тут же потянул его за собой, предлагая пойти в

столовую — судя по всему, местный аналог армейской кухни. Цзи Яньсин наотрез отказался. Пока ситуация оставалась туманной, следовало избегать опрометчивых шагов. Чтобы не заплутать в этом лабиринте чужих стен, он велел Фу Яну вернуться за ним под вечер.

— Ладно-ладно, ну и капризным же ты стал. Позвонить ему, видите ли, мало — обязательно нужно лично явиться и за ручку довести, — недовольно проворчал приятель.

Цзи Яньсин внимательно следил за ним. Этот Фу Ян разительно отличался от его старого соратника, но ему определенно можно было доверять. Через него будет гораздо проще разобраться в здешних порядках.

«Но что еще за "позвонить"?»

«Как он здесь очутился?»

Он не был тем Цзи Яо, которого все знали. Его имя — Цзи Яньсин.

Если этот облик принадлежит не ему, то где его собственное тело? И куда делась душа того парня, тезки, которого домашние ласково величали "Цзяо-цзяо"?»

Он занял чужое место. Обладая феноменальным слухом, Цзи Яньсин уловил обрывки разговора двух девиц позади: судя по всему, этот Цзи Яо был комедиантом, простым лицедеем.

Эта мысль отозвалась в нем волной глухого раздражения. Но куда важнее было другое — там, в его мире, остались незавершенные дела. Дела, не терпящие ни малейшего промедления.

В кармане брюк что-то мелко задрожало. Цзи Яньсин запустил туда руку и вытащил плоскую прямоугольную коробочку. На светящемся экране проступили знаки. Он едва сумел разобрать урезанные, лишенные привычных черт иероглифы. Надпись гласила: "Пойти с... Ичэн-сюэчаном в... музей".

Буквы казались знакомыми, но словно усеченными варварской рукой. Очевидно, перед ним был список дел на сегодня.

— Барышня, — окликнул он проходящую мимо девушку, сдержанно и с достоинством склонив голову. — Не подскажете ли, где находится это место?

Студентка, застигнутая врасплох его пронизывающим взглядом, почувствовала, как сладко екнуло сердце. Она торопливо заглянула в экран его телефона:

— А, ты про Национальный музей? Собираешься туда вместе с Цзоу Ичэном? Да это же совсем рядом, на соседней улице от кампуса, буквально пять минут пешком.

«Боже мой, неужели он решил так со мной познакомиться? Какой же он красавчик, у меня сейчас колени подогнутся!» — пронеслось у нее в голове.

— Благодарю.

Музей... Судя по названию, там хранятся реликвии ушедших эпох. Цзи Яньсин не понимал природы своего перемещения, но верил в непреложный закон: у всякой дороги есть начало и конец. Если он как-то попал сюда, должен существовать и обратный путь. Быть может, именно среди древних артефактов отыщется разгадка?

Тратить время на праздные прогулки с каким-то "Цзоу Ичэном" он не собирался. Он отправится туда один.

Как назло, в этот самый момент Цзоу Ичэн, устав ждать встречи, решил набрать его номер. Прибор в руке запел на незнакомый лад и замигал. Откуда Цзи Яньсину было знать, что это средство связи? На экране высветилось имя, упомянутое в записке.

«Еще одно послание?» — подумал он.

Попытавшись ткнуть пальцем в светящиеся знаки, он лишь случайно сбросил вызов. Сумасшедший, непостижимый мир.

Оказавшись в столь невероятном положении, любой другой давно бы лишился рассудка, но безупречное воспитание и закаленная в боях воля помогли ему сохранить холодную голову. Он помнил, как летел в бездну с горного обрыва, а очнулся здесь. Что ж, раз небо пощадило его, значит, его земной путь еще не окончен.

Но где сейчас Минъюэ? Успел ли верный Дэбао отыскать ее? Жив ли настоящий Фу Ян, или его кости уже гниют под утесом? Здешний его двойник явно не имел к нему никакого отношения.

Его охватила сильная тревога, но Цзи Яньсин понимал: горячность сейчас погубит все. Нужно набраться терпения и шаг за шагом искать путь домой.

Он обязан вернуться. Чего бы ему это ни стоило.

\*\*\*

Оступившись на ровном месте, Цзи Яо покачнулся. В ту же секунду мир вокруг него стремительно переменялся. Вместо привычных стен академии перед глазами выросли вздымающиеся к небу резные пагоды и величественные черепичные крыши дворцового комплекса.

«Что за чертовщина? Насчет съемок вроде еще не договаривались... У меня что, галлюцинации начались?»

Он ведь только что летел кувырком в пропасть! Как его занесло в эти декорации? Неужели он просто заснул и видит до безумия реалистичный сон?»

— Его Высочество Седьмой принц прибыл! — зычно прокричал кто-то впереди.

«Мама дорогая, какой еще к черту Седьмой принц? Что за театр абсурда? Хоть бы кто-нибудь для приличия крикнул "Мотор!"»

Цзи Яо растерянно заморгал, лихорадочно соображая, что происходит.

— Ваше Высочество, поберегите себя, ступайте аккуратнее. Нужно поторопиться, евнух уже объявил о вашем прибытии, — раздался тихий, заискивающий голос сбоку.

— Погоди секунду, — выдохнул Цзи Яо.

Паника ледяной волной накрыла его с головой. Неужели это... перерождение? Самое настоящее попадание в прошлое?!

«Мамочки... А как же мои родители? А мой любимый Ичэн-сюэчан, который прямо сейчас ждет меня у музея?!»

— Послушай, — шепотом спросил он слугу. — А какой сейчас год?

— Ваше Высочество уехали на целый месяц и только-только вернулись. Верно, скорбь по покойной матушке у могильных плит совсем лишила вас сил, раз вы потеряли счет дням? Нынче идет шестидесятый год с тех пор, как наше государство Ци закрепилось на этих землях.

У Цзи Яо земля ушла из-под ног. Шестьдесят лет... Государство Ци.

В истории этой династии когда-то правил его полный тезка — некий Цзи Яо. В свое время из чистого любопытства он даже откопал несколько статей о нем. Все прекрасно знают, какими были старинные портреты: канонический красавец тех времен, Великий родоначальник Ци, изображался с огромной квадратной головой, плоским лицом и дурацкими усами щеточкой. Настоящий кошмар для эстета.

Цзи Яо тогда еще посмеялся, мол, сколько же поколениям должно было смениться и сколько мутаций пережить его бедная генетика, чтобы эволюционировать в его собственное безупречное личико. Да уж, красота — великий труд предков.

И если прикинуть хронологию...

«Мать твою... Это же глухое средневековье, несколько веков назад!»

Он, конечно, был тем еще двоечником и точных дат вспомнить не мог, само название династии в голове всплыло лишь чудом. Да и то благодаря тому самому тезке-императору. Но кто сейчас сидит на троне? Если с основания государства прошло всего шестьдесят лет, то у власти вполне может быть тот самый Цзи Яо!

«Погодите-ка... Я что, переродился в теле его сына?!»

Он опустил взгляд и потрогал пушистый воротник своего тяжелого плаща. Меха были мягким, теплым и... абсолютно настоящим. Никакой синтетики. В современном Китае за такую шубу из редкого зверя его бы живо упекли за решетку защитники природы.

— Что вы изволили сказать, Ваше Высочество?

— Да так, ничего, — отмахнулся Цзи Яо. — Как, говоришь, меня тут зовут?

— Седьмой принц... Господин, да что с вами сегодня такое? Пожалуйста, не пугайте так несчастного Дэбао!

Дэбао испуганно заморгал. Ведь перед выходом они все так тщательно обсудили! Почему хозяин вдруг начал вести себя столь странно у самого порога? Впрочем, бедному слуге и в страшном сне не могло присниться, что в теле его господина теперь бьется совершенно иная душа.

«Ага, значит, тебя зовут Дэбао. Премного благодарен, что сам представился, облегчил задачу», — мысленно хмыкнул Цзи Яо.

Цзи Яо невольно ощупал длинные, собранные в сложную прическу волосы. Настоящие, не парик.

«Седьмой принц, значит...»

Он изо всех сил пытался вспомнить школьный курс истории, но тщетно. Он помнил лишь, что Цзи Яо в итоге стал Великим родоначальником, а вот строчку в учебнике: "Седьмой сын Изначального родоначальника Ци и Императорской благородной супруги Цзяюань..." его ленивый мозг благополучно проигнорировал.

— Ваше Высочество! Прошу вас, поспешим, — взмолился сопровождавший их молодой евнух.

Они топтались здесь уже добрых десять минут, и парень не находил себе места от страха. Во дворце его просто казнят, если он вовремя не приведет принца. В тронном зале все взгляды уже устремлены на двери, а виновника торжества все нет.

У Цзи Яо внутри все похолодело. Зал Провозглашения Управления?

«Мать моя женщина... Меня ведут прямо на императорский совет! Ладно еще попасть в прошлое, но почему сразу в самое пекло?! Я же не справлюсь!»

Но паника — плохой советчик. Если уж судьба подарила ему второй шанс после падения в бездну, глупо было бы лишиться головы в первые же минуты.

«Придется импровизировать. Ну же, Цзяо-цзяо, соберись! Вспомни все, чему тебя учили на актерском! Внимание, это не репетиция! Камера, мотор! Ошибешься в тексте — и проект закроют вместе с твоей шеей».

Присутствующие в зале затаили дыхание, глядя, как медленным, исполненным величия шагом в залу входит Седьмой принц.

Какое там величие! Цзи Яо едва удерживал равновесие, ноги у него подкашивались. Вся его благородная осанка держалась исключительно на врожденном артистизме и красивом лице, в то время как внутри бушевал настоящий ураган ужаса.

Он скользнул взглядом по рядам придворных. Мама родная, целая толпа высокопоставленных чиновников, каждый из которых словно аршин проглотил!

— Седьмой принц и впрямь дракон среди людей, — шептались в толпе вельможи, замороженные его суровым видом. — Какой твердый, испытующий взгляд...

«Ага, конечно. Знали бы вы, как у этого дракона сейчас зубы стучат».

Страх смерти творит чудеса. Если бы современных актеров за плохую игру скармливали тиграм, в киноиндустрии не осталось бы бездарностей, а режиссеры забыли бы слово "дубль".

Сейчас главное — выжить. Одно дело — погибнуть в нелепой аварии, и совсем другое — покорно подставить шею под палаческий топор. Уж лучше казаться безумцем, но остаться в живых.

Доковыляв до середины зала, Цзи Яо внезапно осознал ужасную вещь: он понятия не имеет, как в этом государстве Ци принято приветствовать императора!

Это был полный крах. Никаких вводных, никакой репетиции, даже партнеров по сцене он видит

впервые в жизни. У массовки хотя бы есть бригадир, а он тут совсем один!

«Глупости. Это в дешевых романах амнезия списывает любые странности. Если я сейчас начну разыгрывать дурачка перед сотней умудренных опытом царедворцев, меня сочтут безумцем и быстро избавятся».

Стоп. Характер персонажа.

Дэбао обмолвился, что он целый месяц провел у императорских гробниц, оплакивая матушку. Значит, он — убитый горем любящий сын?

Мысли в голове закрутились с бешеной скоростью. набросок роли начал обретать очертания.

Недолго думая, Цзи Яо с глухим стуком рухнул на колени прямо на холодные каменные плиты. Плевать на тонкости этикета — земной поклон везде поймут правильно!

По залу прокатился изумленный шепот. Если бы Цзи Яо сейчас поднял голову, он увидел бы, как все присутствующие, включая побледневшего Дэбао, изумленно открыли рты. Их лица буквально кричали: "Какого черта?! Что это за фокусы?!"

Дэбао судорожно сжал кулаки. Что творит его господин? Почему все идет наперекосяк, вопреки их уговору?

«Отец-император», — мысленно отрепетировал Цзи Яо. Вроде бы звучит правильно, он ведь принц. А дальше пусть старшие ведут диалог, он подстроится.

Однако сильнее всех был потрясен сам император Ци. Уже десять долгих лет его сын, Цзи Яньсин, не называл его отцом. Правитель застыл на троне, не веря собственным ушам. Он почувствовал такую волну нежности и запоздалого раскаяния, что едва не расплакался.

Уткнувшись взглядом в пол, Цзи Яо долго ждал хоть какого-то ответа. Наконец он решился приподнять голову и обомлел. На него смотрело лицо императора, на котором застыла нелепая, плаксивая гримаса.

«Твою же дивизию! Папа?!»

Цзи Яо едва не закричал в голос от удивления. Сходство было поразительным — разве что у этого мужчины росла густая окладастая борода. Но черты лица... Один в один его отец, заслуженный профессор и ученый! Неужели его старик до того дозанимался наукой, что провалился в прошлое и основал империю? Что это за безумный регресс от нанотехнологий к феодализму?!

Император поспешно спустился с возвышения и лично бережно поднял юношу с колен.

— Яньсин... — тихо выдохнул он.

«Так, спокойно. Это император, а не мой отец. Не может же быть, чтобы в этой реальности у всех моих родственников были одинаковые лица? Но как мне реагировать на это имя?»

Не успел он открыть рот, как из толпы раздался язвительный, сочащийся ядом голос:

— Надо же. Неужели поездка к императорским гробницам так благотворно повлияла на разум Седьмого брата, что он наконец-то вспомнил о сыновьем долге?

Цзи Яо повернул голову на звук.

«Ты еще что за гусь? Чего тебе от меня надо?»

Пока он лихорадочно подбирал слова для достойного ответа, император сурово пресек выпад, заслоняя его собой:

— Второй принц! Яньсин — мой родной сын и твой брат. Кровные узы священны, и я не потерплю твоих гнусных намеков в этом зале.

Помня о приличиях, правитель крепко сжал ладонь Цзи Яо, словно пытаясь передать ему свою поддержку, а затем медленно вернулся к золотому трону.

— Прошу простить мне мою дерзость, отец-император. Ваша правда, я погорячился.

Среди придворных пронесся гул голосов. Никто не ожидал такого поворота. Неужели расклад сил при дворе вот-вот изменится и им пора спешно переходить на сторону забытого всеми Седьмого принца?

Второй принц едва сдерживал ярость, скрежеща зубами от бессилия. Какую игру затеял этот негодяй? С чего вдруг решил разыграть карту семейного тепла? Если император вернет ему свое расположение, то трон наследника уплывет прямо у него из-под носа!

Сделав несколько шагов вперед, Цзи Юань поравнялся с младшим братом и прошипел ему на ухо:

— Прекрасный спектакль, Седьмой брат. Твоему коварству можно только позавидовать.

Цзи Яо быстро сопоставил факты. Судя по всеобщей панике, Седьмой принц раньше знаясь не

хотел с венценосным родителем. Но, похоже, всего одно вовремя сказанное слово спасло его от неминуемой опалы.

— Второй брат, но я ведь действительно ничего такого не сделал, — невинно отозвался Цзи Яо.

Он не врал: просто упал на колени и назвал отца отцом. Откуда в этом столько трагизма?

Но для Цзи Юаня эта кротость показалась верхом издевательства. Он помрачнел от гнева:

— Что ж, Цзи Яо. Мы еще посмотрим, кто кого.

«Цзи Яо...

Стоп...

Какого черта?! Так я и есть тот самый Цзи Яо?! Тот уродливый, широколицый император с портрета?!»

Мысль о том, что его нынешнее лицо может выглядеть как кошмарный сон средневекового художника, повергла юношу в глубочайшее уныние. К такому повороту его безупречное эстетическое чувство было явно не готово.

«Интересно... Если я прямо сейчас заявлю императору, что жажду смертной казни, меня казнят без лишних расспросов?»

<http://bllate.org/book/20677/2119917>